

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

Вольный человек и холоп

**Повесть из истории крепостправа в
России XV в**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иосаф Арианович Л.**
Вольный человек и холоп: Повесть из истории крепостправа в России XV в / Любич-Кошуров Иосаф Арианович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-94406-9

ISBN 978-5-519-94406-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Уже полчаса стоялъ человѣкъ въ однорядкѣ, спрятавшись за осиною, почти неподвижно охвативъ стволъ осины рукой, вглядываясь въ чашу лѣса.

Можетъ-быть, онъ хотѣлъ разглядѣть, кромѣ этого огонька, мутнаго и тусклаго, какъ свѣтъ бумажнаго фонаря, изгородь, крышу — что-нибудь, по чемъ онъ могъ составить представленіе объ этомъ жильѣ, притаившемся за лощинкой въ темной зелени лѣса.

Но онъ ничего не видѣлъ.

Казалось, необыкновенно свѣтло въ лѣсу: вблизи было ясно видно каждое дерево, каждый сучокъ, и казалось, полосы луннаго свѣта также ярки и вдали. Но вдали онѣ сливались съ туманомъ, или еще чѣмъ, съ темно-зеленой мутью, окутывавшею кусты и деревья.

Словно серебряный паръ или легкій дымъ висѣлъ между деревьями и мѣшалъ разглядѣть, что по ту сторону этого пара или дыма и что въ немъ самомъ.

Тихо было въ лѣсу.

Ярко вверху горѣли звѣзды.

Мѣсяцъ поднялся уже выше лѣса.

Желтые блики заблестѣли отъ него по травѣ и листьямъ.

Черныя тѣни отъ деревьевъ уползли къ корнямъ. Кусты подобрали подъ себя свои тѣни. Кое-гдѣ въ кустахъ тускло зажглись гнилушки...

И свѣтъ гнилушекъ тоже былъ какъ паръ или дымъ отъ какихъ-то диковинныхъ тлѣющихъ сучьевъ, скрытыхъ въ листьяхъ, въ травѣ и корняхъ. Будто дымъ этотъ, тронутый весь искрящимся свѣтомъ, застрялъ и повисъ неподвижно въ кустахъ.

Запѣлъ соловей.

Слышно было, какъ за лощинкой тамъ, гдѣ свѣтилось окно, заскрипѣло и стукнуло что-то — будто дверь отворили.

Потомъ опять послышался скрипъ и опять стукъ.

Человѣкъ въ однорядкѣ отошелъ отъ дерева, сталъ на колѣни и, поднявъ голову кверху, перекрестился

широкимъ крестомъ, сложивъ пальцы по старо-обрядчески и коснувшись ими лба, потомъ живота, плотно прижимая ихъ и ко лбу и животу, потомъ плечей, праваго и лѣваго, также твердо и плотно, будто въ пальцахъ его было что-то, что онъ клалъ на плечи и прижималъ, чтобы крѣпче держалось...

Еще и теперъ такой „чинъ“ креста сохранился у нашихъ старообрядцевъ.

Послышался его шопоть:

— Господи въ руцы твоя предаю духъ мой.

Еще разъ онъ перекрестился, всталъ потомъ и пошелъ прямо твердой поступью на огонекъ, какъ разъ въ эту минуту разгорѣвшійся и залившій все окошко красновато-желтымъ свѣтомъ.

II.

Человѣкъ въ однорядкѣ спустился въ лощину, гдѣ его сразу охватило сыростью и гдѣ густой пеленой лежалъ туманъ. Въ лощинѣ росла высокая трава. Человѣкъ въ однорядкѣ вошелъ какъ въ воду: сразу его сапоги и штаны стали мокры отъ росы, покрывавшей траву матовой водяной пылью.

Тутъ пахло сырымъ, перегнившимъ листомъ и свѣжимъ листомъ молодого дубняка и листомъ березы. Пряный густой ароматъ отъ цвѣтовъ стоялъ въ воздухѣ. Казалось, туманъ впиталъ въ себя этотъ ароматъ, и онъ ходилъ волнами по лощинѣ въ этомъ озерѣ тумана.

Темный слѣдъ остался на травѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошелъ человѣкъ, потому что человѣкъ стрянулъ нолами своей однорядки всю росу, покрывавшую траву на его пути.

Человѣкъ выбрался изъ лощины, прошелъ еще нѣсколько шаговъ, ощущая на каждомъ шагу, какъ липнуть къ колѣнкамъ и холодать колѣнки намокшіе въ росѣ штаны, и очутился на тропинкѣ. Онъ пошелъ по тропинкѣ.

Теперъ онъ замедлилъ шаги.

Ярко, совсѣмъ недалеко впереди свѣтилось окно. Иногда, когда онъ сворачивалъ въ ту или другую сторону, туда, куда поворачивала тропинка, противъ окна въ освѣщенномъ пространствѣ выступали рѣзко и опредѣленно силуэты листьевъ и вѣтокъ, казавшіеся совсѣмъ черными.

Слышно было, какъ скрипитъ сверчокъ.

Назади вдругъ, должно-быть, въ лощинѣ, закричалъ коростель.

Человѣкъ все замедлялъ шагъ.

Вдругъ онъ остановился.

Совсѣмъ неожиданно за однимъ поворотомъ тропинки выступила передъ нимъ высокая изгородь, вся залитая свѣтомъ мѣсяца. Широкія толстыя пали ¹⁾ были утверждены стоймя. Кое-гдѣ онѣ были подперты корявыми съ неочищенной корой подсошками.

Большая рыжая кошка сидѣла наверху на одной изъ палей. Видно, она умѣла отличать чужихъ отъ своихъ или испугалась появленія человѣка. Фыркнувъ, быстро скользнула внизъ за изгородь.

Только на одно мгновенье мелькнулъ въ воздухѣ ея распушенный хвостъ... За изгородью гдѣ-то закричали гуси.

Въ ту же минуту незамѣтная между палями калитка отворилась, будто ее толкнули короткимъ толчкомъ со двора, и въ калитку выбѣжала собака...

Съ громкимъ, яростнымъ, хриплымъ лаемъ кинулась она на человѣка въ одnorядкѣ. Тутъ быстро отскочилъ въ сторону съ тропинки, откинулся корпусомъ назадъ и поднялъ ногу, цѣлясь каблукомъ въ морду собаки...

— Хозяинъ!—крикнулъ онъ, отступая передъ собакой въ кусты и хватаясь за вѣтви, чтобы не потерять равновѣсія, оглядываясь назадъ и по сторонамъ.

— Хозяинъ!—крикнулъ онъ опять.

¹⁾ Толстыя доски.

Изъ-за изгороди раздался голосъ грубый и отрывистый:

— Ну?..

Потомъ тотъ, кто былъ за изгородью, крикнулъ.

— Слушай ты,—заговорилъ онъ также отрывисто, словно бросая слова одно за другимъ изъ-за изгороди черезъ равные промежутки.—Слушай, сейчасъ у меня въ рукѣ... двуствольный пистолетъ... Я тебѣ намѣтился... прямо... въ лобъ... Кто ты? Злой человѣкъ или добрый?

— Прохожій я!

Человѣкъ въ однорядкѣ, у котораго вниманіе, должно-быть, раздвоилось, такъ какъ одновременно приходилось и обороняться отъ собаки, и отвѣчать на вопросы, споткнулся и упалъ, наткнувшись на пенъ, навзничъ головой въ кустъ.

Грубый голосъ закричалъ изъ-за палей:

— Шарка, назадъ!.. Отрыжь *), Шарка!

Секунду спустя, въ калиткѣ появилась высокая, плотная фигура въ рубахѣ безъ пояса съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Назадъ тебѣ говорятъ! Шарка!

И, сунувъ пистолетъ подъ мышку, высокій человѣкъ поднялъ руки и хлопнулъ въ ладоши.

Собака перестала лаять.

— Прохожій, говоришь?—крикнулъ высокій человѣкъ. Онъ слышалъ, какъ шумить кустъ и трещать вѣтки, и крикнулъ, смотря прямо въ этотъ кустъ... Можетъ, онъ думалъ, что упавшій, за шумомъ, который производилъ, не услышитъ его, если онъ не возвыситъ голоса... Сейчасъ же онъ сдвинулъ брови. Лицо у него было широкое, заросшее густой, короткой сѣдьющей бородой.

— Говорятъ-те... прохожій.

Вѣтки перестали трещать и шумѣть.

Прохожій поднялся, оглянулся по сторонамъ и шагнулъ впередъ.

*) Отрыжь—отойди.

- Песъ-то не тронетъ?..
- Не... не тронетъ...
- Переночевать можно?..
- Можно, когда прохожій...
- Прохожій, прохожій...

Онъ совсѣмъ близко подошелъ къ высокому человеку.

— А самъ-то ты не злой человекъ?

Онъ бросилъ на него пристальный взглядъ, прищурилъ глаза. Онъ не двигался дальше...

Одна штанина во время возни въ кустахъ и возни съ собакой у него выскочила изъ сапога и закрывала спереди, свѣсившись косякомъ, почти все голенище. Однорядка растегнулась. Воротъ рубахи тоже былъ растегнутъ.

— Хрестьяне мы,—сказалъ высокій человекъ и опять нахмурился.— Проходи.

Онъ посторонился, выступивъ за калитку наружу.

Когда онъ сказалъ „хрестьяне“, вѣки на глазахъ прохожаго быстро вздернулись вверхъ, открывъ глаза, и глаза на мгновенье остановились на лицѣ высокаго человека.

Прохожій шагнулъ въ калитку.

Онъ увидѣлъ широкій дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ. Въ глубинѣ двора бѣлѣли и смутно обозначались избы съ надстройкой вверху на крышѣ...

Съ одной стороны надъ заборомъ былъ навѣсъ. При мѣсяцѣ видно было, что навѣсъ крытъ черепомъ. Толстыя балки бѣлѣли, какъ посыпанные известкой. Подъ навѣсомъ фыркала лошадь. Самой лошади не было видно.

Пахло навозомъ, сѣномъ. Когда прохожій и хозяинъ двора проходили мимо какого-то низенькаго бревенчатаго строенія, оттуда опять пахло навозомъ и запахомъ парного молока.

— Хрестьяне, значить?—на ходу спросилъ опять прохожій.

— Да, хрестьяне.

Они были уже возлѣ избы.

— А чьи?

— Не чьи,—отвѣтилъ высокій человѣкъ и отворилъ дверь въ избу.

Они вошли въ темныя сѣни. Хозяинъ избы сталъ запирать дверь.

Стоя въ сѣняхъ, тамъ, гдѣ остановился, прохожій прошепталъ:

— Охъ, Господи!

И вздохнулъ.

Неясно услышалъ онъ снова крикъ коростеля. Потомъ противнымъ, рѣзкимъ, гнусавымъ крикомъ закричала кошка.

Въ избѣ было жарко. По печи, сложенной изъ сырцоваго кирпича, ползали мухи. На потолкѣ, черномъ отъ дыма, тоже сидѣли роемъ мухи.

Въ свѣтцѣ горѣла лучина.

За досчатой перегородкой слышались сдержанные голоса.

Голоса, впрочемъ, сейчасъ же умолкли.

Дверь въ перегородкѣ скрипнула и отворилась... Высунулась голова женщины въ бѣломъ платкѣ съ выбившимися изъ-подъ платка черными прядями волосъ...

Глаза женщины маленькіе, черные, острые, впились въ прохожаго, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Когда прохожій былъ неподвиженъ, и глаза также останавливались и сейчасъ же поднимались или быстро перекатывались въ сторону, если прохожій поднималъ или поворачивалъ голову.

Она видѣла, что хозяинъ избы, войдя и повѣсивъ пистолеть на стѣну, направился къ ней, но она только тогда прямо взглянула на него, когда онъ ужъ подошелъ вплотную.

Прохожій въ это время крестился на икону.

Хозяинъ избы что-то шепнулъ женщинѣ. Она подошла къ печи, вынула изъ печи горшокъ и глиняную чашку. Въ горшкѣ оказался кулешъ съ свинымъ саломъ, въ чашкѣ—жареная баранина. Ку-

лешъ она налила въ деревянную маску, а баранину выложила на деревянный же кругъ. И то и другое она поставила на столъ.

Потомъ на столѣ появился кувшинъ съ квасомъ и другой кувшинъ особой формы, съ узкимъ горлышкомъ. Въ такихъ кувшинахъ тогда хранили водку.

Женщина ушла за перегородку. Прохожій сѣлъ за столъ.

— Ъшь на здоровье,—сказалъ хозяинъ избы.

За перегородкой опять послышались сдержанные голоса. Одинъ голосъ былъ мужской, другой—женскій. Женскій голосъ скоро смолкъ. Секунду спустя, умолкъ и мужской голосъ.

Потомъ раздался опять, теперь уже болѣе громко. Голосъ былъ тягучій, какой-то заглушенный, но проникновенный.

— Аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ за приидущій годъ, оле, безчеловѣчія! Другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ...

Прохожій поставилъ на столъ оловянную небольшую кружечку, которую было наполнилъ изъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ, и поднялъ голову.

— Кто это у тебя тамъ?

Широко открывъ глаза, смотрѣлъ онъ на хозяйина избы и не мигалъ вѣками.

И видно было, что онъ прислушивается въ то же время къ голосу, несущемуся изъ-за перегородки.

На мгновенье, казалось, даже у него пропалъ всякій интересъ къ тому, что ему отвѣтятъ. Казалось, все вниманіе его привлекло, что читали или говорили за перегородкой.

Потомъ вѣки его дрогнули.

— А?—произнесъ онъ.

И опять остановилъ неподвижный взглядъ на хозяинѣ избы.

— Дядя,—отвѣтилъ тотъ.

— Хрестьянинъ?

— Хрестьянинъ.

Прохожій выпилъ.

Утеревъ губы подоломъ рубахи, онъ сказалъ:

— Это я знаю... Это списокъ съ посланія.

— Грамотка эта, — раздался тягучій голосъ за перегородкой, — боголюбиваго Максима Грека.

Дверь скрипнула, и изъ-за перегородки вышелъ совсѣмъ почти сѣдой человѣкъ, босой, въ бѣлой длинной до колѣнъ рубахѣ и бѣлыхъ порткахъ, отдувавшихся и засаленныхъ на колѣняхъ.

— Этотъ вотъ, — сказалъ хозяинъ избы.

— А ты, милый человѣкъ, слышалъ, прохожій?

Глаза старика, ясные и свѣтлые, остановились на прохожемъ.

— Прохожій... заблуджій... — проговорилъ тотъ, тоже воззрѣвшись на старика.

Въ дверь высунулась голова женщины.

Старикъ опять спросилъ:

— Блудаль, значить? По лѣсу блудаль?

— Блудаль...

— А откуда будешь?.. Не съ здѣшней стороны?

— Московскій...

— То-то я вижу... Съ самой Москвы?

— Подмосковный.

— То-то... Можетъ, бѣглый?

Прохожій даже чуть-чуть привскочилъ на мѣстѣ.

— Что ты, дѣдушка?.. Какъ можно!

Старикъ словно хлестнулъ его больно этимъ словомъ „бѣглый“... На щекахъ выступилъ румянецъ.

— Не бѣглый?

Глаза старика сузились, мелкія лучистыя морщины пошли отъ глазъ къ вискамъ. Ясные зрачки заблестѣли и заискрились, будто огненная струйка пробѣжала въ нихъ.

— А мы бѣглые, — заговорилъ онъ и засмѣялся дребезжащимъ дробнымъ смѣхомъ. — Мы бѣглые... Что взять?..

Смѣхъ у него шелъ изнутри. Казалось, онъ дрожалъ и бился въ груди, и вмѣстѣ съ нимъ въ груди

дрожало еще что-то, что дѣлало этотъ смѣхъ не совсѣмъ похожимъ на обыкновенный смѣхъ.

Чудилось, что смѣхъ можетъ перейти въ слезы...

Вдругъ онъ пересталъ смѣяться.

Онъ выпрямился и поднялъ руку кверху, слегка согнувъ ее въ локтѣ. И, трясая надъ головой кистью руки, онъ заговорилъ:

— О, мучители!.. О, губители душъ и тѣлесъ нашихъ! Распинающіе братьевъ своихъ... Волки алчные! Доколѣ не престанете звѣрствовать? Чего достигли?! Деревни и села, и грады обезлюдѣли. Некому воздѣлывать плачущую землю...

Онъ смотрѣлъ прямо въ лицо прохожему. И вдругъ онъ словно увидѣлъ что-то въ этомъ лицѣ, что откликнулось въ его душѣ старой затаенной ненавистью.

Опять сощурились его глаза... Опять въ нихъ сверкнули искорки. Ротъ полуоткрылся... Въ груди задрожалъ прежній смѣхъ.

— Что взяли?!—захихикалъ онъ.—Хотѣли на цѣпь, хотѣли отца-старика въ яму... А мы ушли... Ваши бояре и дѣти боярскіе въ нищетѣ отбираютъ у васъ послѣднюю рубаху, а мы живемъ... мы живемъ... Мы хорошо живемъ... Насъ не возьмешь на цѣпь.

Онъ повернулся и ушелъ за перегородку...

Въ избѣ стало тихо.

Прохожій сидѣлъ молча, поводя по лицу и бородѣ ладонью.

— Что онъ такой?—обратился онъ къ хозяину хаты...

А за перегородкой захлебывающійся умиленный голосъ читалъ:

„Аще же кто отъ нихъ изнемогъ тягостію налагаемыхъ ими безпрестанно отъ насъ трудовъ и дѣяній, восхощетъ индѣ нѣгдѣ переселиться, не отпускаемъ его, аще не положитъ установленный оброкъ, о немъ же толико лѣтъ жилъ есть въ нашемъ селѣ“ *).

*) Максимъ Грекъ, извѣстный поборникъ свободного крестьянства.

Прохожій не видѣлъ, какъ старикъ за перегородкой поцѣловалъ синій листъ плотной бумаги.

Онъ бросилъ долгій взглядъ на хозяина избы.

— Бѣглые, правда?..

Хозяинъ избы выпрямился.

— Да, бѣглые.

Онъ сдвинулъ брови.

— А откуда?..

Говорилъ прохожій жиденькимъ голоскомъ, всякій разъ отводя глаза въ сторону, когда глаза его встрѣчались съ глазами хозяина избы...

Будто онъ пряталъ отъ него глаза.

— Откуда бѣжали?..

— Изъ-подъ Можая...

Прохожій прищурился.

— Законъ вышелъ новый,—произнесъ онъ,—чтобы больше тяглые люди не продавались въ холопи.

Глаза его остановились на хозяинѣ избы и прищурились еще больше.

Въ дверяхъ снова появился старикъ.

— Слава великому государю за тотъ законъ,—проговорилъ онъ торжественно...

У прохожаго, казалось, все лицо затрепетало отъ сдерживаемаго злорадства.

Быстро повернулся онъ къ старику.

— Спасибо ему, батюшкѣ,—сказалъ онъ,—въ холопи-то отчего продавались?..

На секунду онъ задержалъ рѣчь...

— Чтобъ не платить податей... Вотъ отчего. Холопъ не платитъ податей... Онъ чужой человѣкъ... Онъ за хозяйскимъ хребтомъ. И отъ того убытокъ государевой казнѣ. То платилъ подать, а то не сталъ платить... Въ холопяхъ-то, выходитъ, вольготнѣй сидѣть, чѣмъ на землѣ. А теперь ты не похотѣлъ бы подать платить... Анъ нѣтъ, плати... Отъ подати не уйдешь...

Онъ потянулся за кувшиномъ съ водой.

— Много, стало, въ холопи продалось?—спросилъ хозяинъ избы.